
**ОБ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. А. ШАХОВСКОГО: К РЕКОНСТРУКЦИИ
«СЛОВА О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ»**

Д. А. Иванов

О деятельности Шаховского как члена Российской академии известно крайне мало. Плодовитый драматург, режиссер, педагог и чиновник театральной Дирекции – он, если и привлекал внимание исследователей, то не участием в работе Академии. Собственно, этого сюжета касался один лишь М. И. Сухомлинов, поместивший в своей «Истории Российской академии» сведения об избрании Шаховского в 1810 г. в члены Российской академии и о двух его академических речах, прочитанных впоследствии¹.

Однако из того, что драматург на протяжении 30 лет своего членства в Академии лишь дважды выступал на ее заседаниях, не следует, что он пренебрегал своими обязанностями. Дошедшие до нас «Предисловие к *Полубарским затеям*», прочитанное в феврале 1819 г., а также отрывки из комедии «Аристофан, или Представление комедии *Всадники*», представленные слушателям на торжественном заседании 14 января 1823 г., свидетельствуют о стремлении Шаховского познакомить академиков со своими наиболее концептуальными сочинениями. Так, «Предисловие»², по сути, является творческим манифестом Шаховского, в котором автор высказывал все свои сокровенные идеи о функции и истории жанра комедии. То же можно сказать и об «Аристофане» – эту пьесу драматург сочинял более 5 лет, не только желая реабилитировать себя как «русского Аристофана», но и стремясь дать обра-

¹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1885. Т. 7. С. 67–68.

² Шаховской А. Предисловие к *Полубарским затеям* // Сын отечества. 1820. № 13.

зец принципиально нового жанра – «комедии исторической»³. Можно предпологать, что и не найденная до сих пор речь Шаховского, прочитанная вместе с «Предисловием к *Полубарским затеям*» на заседании РА 8 февраля 1819 г., в ответ на «Рассуждение о любви к отечеству» Н. М. Карамзина⁴, также содержала наиболее важные взгляды драматурга на сей предмет.

Кроме того, мы располагаем рядом высказываний Шаховского разных лет о той высокой чести, каковой он почитал для себя избрание и участие в работе Академии. Напомним, что свою первую стихотворную комедию, «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), сделавшую его имя скандально известным в истории русской литературы, драматург посвятил с благодарностью «Господам почтеннейшим членам Императорской Российской Академии»⁵. Спустя 10 лет, отражая журнальные нападки «Московского телеграфа», Шаховской вновь ссылаясь на свое избрание в Академию как авторитетное признание его вклада в русскую словесность⁶. Стоит, впрочем, отметить, что ни в случае «Липецких вод», ни позже, попытки драматурга прикрыться именем «почтеннейшего сообщества» не приносили желаемого результата, – от критики (со стороны ли «арзамасцев» или братьев Полевых) эта защита не спасала. Тем не менее, очевидно, что для Шаховского, постоянно озабоченного своей репутацией и статусом (театральная жизнь была мало прилична для князя и статского советника), членство в Российской академии должно было несколько облагораживать звание драмодельца.

Еще в большей степени это становится важно со второй половины 1820-х гг., после отставки Шаховского с поста в Дирекции Императорских Театров⁷. Именно тогда под эгидой Российской академии он пытается издать свой самый амбициозный проект – полное собрание сочинений, с обширными предисловиями, из которых, в итоге, должен был составиться историко-теоретический труд о театре и драматургии, задуманный еще в конце 1810-х годов⁸. Однако Академия ответила отказом. Шаховской

³ См. подробнее: *Иванов Д.* Становление литературной репутации А. А. Шаховского // Дисс. на соискание уч. степени *magister artium* по рус. лит. Тарту, 2005. С. 65–98. (URL: <http://www.utlib.ee/ekollekt/diss/mag/2005/b17460360/ivanov.pdf> – 28/06/2005).

⁴ *Сухомлинов М. И.* История... Т. 7. С. 67–68.

⁵ *Шаховской А.* Урок кокеткам, или Липецкия воды. Комедия в пяти действиях, в стихах. СПб., 1815.

⁶ *Шаховской А. А.* Письмо к Издателю // Галатея. 1829. Ч. 2. № 11. С. 269.

⁷ См.: *Ярцев А. А.* Князь Александр Александрович Шаховской (Опыт биографии) // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1894–1895 гг.: Приложения. Кн. 3. СПб., 1896. С. 4.

⁸ См. свидетельство о данном замысле М. А. Дмитриева: «Он <Шаховской> вздумал однажды издать свои драматические сочинения и к каждой пиесе написать предисловие таким

писал М. С. Воронцову: «не имея средства исполнить своим скудным иждивением моего предприятия, прибегнул к Российской Академии как давнишний и не совсем бесполезный член ея. Но Академия объявила мне, что по сделанному расчету, она не имеет довольно сумм, ибо издание мое будет стоить в двойном заводе, как я просил, около 30 000 рублей»⁹. В итоге, единственной пьесой, опубликованной согласно его первоначальному замыслу, стала комедия «Аристофан», изданная в 1828 г. театральной типографией в Москве, очевидно, не без помощи «кружка московских театралов», куда входили друзья автора – М. Н. Загоскин и Ф. Ф. Кокошкин¹⁰.

Несомненно, в последнее десятилетие существования Российской академии Шаховской также участвовал в ее работе. Однако, здесь, с одной стороны, объективная сложность заключается в том, что мы располагаем крайне скудными сведениями о биографии драматурга этого периода. Известно, что первую половину 1830-х гг. Шаховской много болеет, и при этом занят (как он сам писал, «до одурения») судебным процессом за наследство Пассеков¹¹. Впрочем, эти обстоятельства не мешали ему продолжать сочинять для театра и работать над обширным трудом под условным названием «Исторический обзор нашего просвещения»¹².

С другой стороны, фамилия Шаховского практически не встречается в бумагах Российской академии, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН. За исключением одного эпизода.

В протоколе от 29 января 1838 г. указано, что М. Лобанов представил в Академию «продолжение Рускаго Словаря, составляемаго Г<осподами> членами Словарнаго Комитета» – в том числе работу Шаховского «с начала буквы О по слово *обезлюдетъ*» – всего 319 словарных статей¹³. Этому событию предшествовала переписка между драматургом и Д. И. Языковым, датированная в бумагах Академии маем, вероятно, 1836 года. Из письма

образом, чтоб все эти предисловия или введения в разные пьесы составили в совокупности курс драматической литературы». (*Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 395.)

⁹ Иванов Д. Материалы к биографии А. А. Шаховского: письмо М. С. Воронцову // Кириллица, или Небо в алмазах: Сб. к 40-летию Кирилла Рогова. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/539859.html> (8.11.2006).

¹⁰ См. о нем: *Баженова Е. Н.* «Московские классики», или Кокошкинский кружок просвещенных театралов // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 2006. № 5.

¹¹ *Ярцев А. А.* Князь... Шаховской... С. 41.

¹² См. подробно: *Иванов Д.* Петр I в интерпретации Шаховского // И время и место: Историко-филологический сб. к 60-летию А. Л. Осовата. М., 2008 (Новые материалы и исследование по истории русской культуры. Вып. 5.). С. 303–304.

¹³ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 3, № 64, л. 42.

Шаховского следует, что по причине «присмертной болезни» он отказывается от работы над словарем, пересылает уже подготовленные материалы и предвидит «долгую невозможность участвовать в Академических занятиях». Однако далее становится понятно, что главной причиной ухода драматурга от академической деятельности является скандал, разразившийся вокруг его сочинения под названием «Слово о Петре Великом»¹⁴.

Попробуем восстановить ход событий. Судя по изложению Шаховского, на «прошлом» рабочем заседании шло обсуждение программы «Торжественн<аго> Собрания», для которого он написал «Слово...». Тем не менее, сочинение это было отклонено и оставлено «в безвестности Разбирательным Комитетом», по-видимому, вызвав жаркие прения с личными оскорблениями в адрес автора и намеками, будто лета «лишили» его «способностей». Желая убедить «высокое сословие» в обратном, Шаховской просил Языкова «о напечатании» текста «особо» за его счет, хотя и отказывался «от желания представить» свою речь «суждению общего собрания»¹⁵. В ответ Языков, стараясь успокоить драматурга, желал ему здоровья, обещал издать «Слово о Петре Великом» на средства Академии и выправить все недоделанные им словарные статьи¹⁶. Однако, сочинение Шаховского, видимо, так и не было прислано автором для публикации – во всяком случае, никаких следов его нам до сих пор обнаружить не удалось.

Впрочем, даже не имея в нашем распоряжении данного текста, мы можем попытаться восстановить ключевые элементы концепции драматурга и, тем самым, выяснить возможные причины конфликта. До нас дошли 2 важнейших письма Шаховского князю Е. П. Мещерскому, написанные осенью 1833 г. в ответ на брошюру последнего «Lettres d'un Russe»¹⁷. В своих пространнейших письмах престарелый драматург пытался помочь молодому русскому дипломату сведениями, полезными в его борьбе с «клеветниками России». Но помимо рассуждений о «греховности» католицизма, о польском вопросе, о предотвращении распространения революционной «язвы» и проч., значительную часть первого и полностью второе письмо Шаховской посвящает оценке деятельности Петра Великого. По нашему мнению, более всего его должно было задеть утверждение, что «высшая цель» Николая I противоположна цели Петра (Мещерский писал:

¹⁴ Там же. Л. 30–30 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 32–32 об.

¹⁷ Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1.; Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843.

«Петр сделал нас Европейцами; Николай сделает нас обратно Русскими»¹⁸). Для Шаховского это единственное упоминание Петра в «Письмах русского» было более чем спорно, т.к. вероятно вызывало ассоциации с «философами прошлого века», а именно с Ж. Ж. Руссо и его известным выражением, будто Петр «хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских»¹⁹. Большую часть своего ответа Шаховской посвятил опровержению идеи, «будто Петр Великий <...>, ускоряя естественный ход просвещения, истребил древнюю народность Русских, стер их родовой характер и составил из России безобразную и непрочную смесь Европейства с Азиатством»²⁰. Следует также отметить, что второе из писем Мещерскому впоследствии автор опубликовал отдельно – под названием «Письмо о Петре Великом» – в альманахе «Молодик на 1843 г.». Отсюда, с большой долей вероятности, можно утверждать, что предложенное на заседании Российской академии «Слово о Петре Великом» должно было содержать ту же аргументацию, что и письма Мещерскому. И здесь встает вопрос – что именно в концепции Шаховского могло вызвать негативную реакцию академиков?

С одной стороны, главная мысль драматурга о сохранении Петром русского национального характера была вполне расхожей. О том же еще в 1800-е гг. писал А. С. Шишков, утверждавший, что «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из россиян сделать голландцев, немцев или французов; не желал русских сделать не русскими»²¹. Аналогичную точку зрения разделяли близкие Шаховскому М. П. Погодин и С. П. Шевырев, которые также считали Петра «русским» и участвовали в создании идеологии, примеряющей допетровскую и постпетровскую Россию²². По-видимому, сходным образом воспринимались реформы Петра и в салоне Ф. Ф. Вигеля, где собирались литераторы-«патриоты» и высшие

¹⁸ <Mestcherski E.> Lettres d'un Russe adressées à MM. les Rédacteurs de la Revue Européenne, ci-devant du Correspondant. Nice, 1832. P. 104.

¹⁹ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического Права // Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М., 1998. С. 91.

²⁰ Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 36.; Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 292.

²¹ Цит. по: Альтигуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007. С. 34.

²² См. Живов В. Иван Сусанин и Петр Великий // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 62.

чиновники, «горящие священнейшим огнем любви к России». Зимой 1835–1836 г. эту «секту» из академиков посещали историк К. И. Арсеньев, Нестор Кукольник и Шаховской. Последний, по словам Вигеля, «посреди такого общества» «воспламенялся» и «иногда очень хорошо говорил» о славе России и «Слове Русском»²³.

Тем не менее, на заседании Академии Шаховской явно полемизировал не только с «хлопочущими об Европействе» поклонниками идей Руссо, но и с некоторыми «добрыми приятелями», которым «Петр Великий кажется без вины виноватым в том, чем оскорбляется их народная гордость, т. е. пристрастие нашего большесветства ко всему чужеземному»²⁴. Подобная полемика с обоими лагерями ставила автора в не очень выгодное положение и явно должна была привлечь внимание возможных оппонентов к его более чем оригинальной аргументации, особенно в том, что касалось проблемы языка.

Так, Шаховской писал Мещерскому: «Но отчего он <Петр> обезобразивал наш прекрасный язык иностранными словами, называл Русские города, чины и присутственные места иностранными именами, и употреблял иногда такие Европейския выражения, коих настоящего отечества не можно отыскать? – Вот, вопросы, которые я часто слышал»²⁵. Собственный ответ Шаховской давал не с лингвистической или исторической точки зрения, а с точки зрения «здравого смысла», основываясь на «врожденном зубоскальстве» русских, «не пропускающих случая перевернуть в шуты <...> всякаго Европейца, худо выговаривающаго по-Русски». По мнению драматурга, нуждаясь в иностранных специалистах, Петр I, «чтоб не предать наставников поруганию учеников <...> стал употреблять как можно больше иностранных слов в разговорах и государственных учреждениях, и давать всему новому чужезвучныя названия»²⁶.

Кроме таких, далеких от академизма, доказательств, сама трактовка деятельности Петра у Шаховского выделялась на общем идеологическом фоне начала николаевского царствования своей особой культуроцентричностью. Риторические конструкции (в крайне полемической формулировке), которыми в конце 1830-х гг. Шаховской описывал в статьях по

²³ Вигель Ф. Ф. – М. Н. Загоскину, 31 мая 1836 г. // ОР РНБ. Ф. 291 (Загоскина). Оп. 1, № 54. Л. 6 об.–7.

²⁴ Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 274.

²⁵ Там же. С. 287.

²⁶ Там же. С. 287–288.

истории театра драматургов прошлого, использовались им для характеристики деятельности Петра:

Часто слышу я ныне обычный вопрос: гений ли Сумароков? Да и нет, смотря по тому, кто и как спрашивает. <...> тому вопросителю, который <...> называет гением врожденную способность к произведению изящного, или даже самого человека, упредившаго в просвещении своих одноземельцев и увлекшаго их за собою, я отвечаю: да, Сумароков – гений! Тому же, кто словом гений хочет ознаменовать какой-то непостижимый дар безусловнаго самотворчества, отвечаю: нет. Один Бог создал мир из ничего, и сам собою; так не токмо Сумароков, но едва ли и сам чудеснейший в мире Преобразователь нашего отечества, в этом смысле может назваться гением! Петр Великий сотворил свою Империю из первобытнаго в ней добра и благоприобретений Его предшественников, по примерам мудрых законодатцев, и не без советов и содействий, прояснителей и исполнителей Его сильной воли²⁷.

Шаховской, конечно, здесь вступал в очередной раз в спор с Руссо и его последователями, для которых «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего»²⁸. Тем не менее, пусть даже риторически, но заявлять, что Петр Великий «едва ли» «может назваться гением», было достаточно радикально.

Стоит, однако, отметить, что для собственной концепции Шаховского такое утверждение было очень естественным. В «заимствованиях» царя Шаховской, очевидно, видел близкую ему самому практику «заимствований» литературных. Так, можно сравнить, например, его указание на Мольера, который «говорит, что он берет свое <...> везде, где ни находит»²⁹, – с описанием деятельности российского Императора, который «пользовался всем, заимствовал у всех; но действовал у Себя по своему»³⁰.

Обвинения Петра и русских вообще в подражании, как отмечали исследователи, было общим местом европейской россики³¹. Однако, для

²⁷ Шаховской А. А. Обзор русской драматической словесности // Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров на 1842 год. Кн. 2. С. 1–2.

²⁸ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре... С. 90.

²⁹ Шаховской А. Предисловие к Полубарским затеям... С. 25.

³⁰ Шаховской А. А. Письмо о Петре Великом. К К. Е. П. М. (Петербург 1831 года) // Молодик на 1843 год. Харьков, 1843. С. 285.

³¹ Мильчина В. А. Комментарии // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 423–424.; Мильчина В. А., Осоват А. Л. Комментарии // Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. / Пер. с фр. М., 2000. Т. 1. С. 577–578.

Шаховского в этом исходно не было ничего зазорного. К тому же, «литературный» код позволял апеллировать к признанному авторитету А. В. Шлегеля. Практически переводя из «Курса драматической литературы» последнего, русский автор возражал на обвинения в подражательности: «Нас упрекают, что мы пользуемся чужим, готовым, но пусть покажут мне народ, просветившийся без заимствований; уже так давно все перенимается, переплавляется и улучшается, что память человеческая не достигает до времен самоделия»³².

При таком подходе у Шаховского: 1) переимчивость русского народа оказывалась залогом его «гениальности» и дальнейшего успешного просвещения; 2) реформы Петра и его старание «обрусить и окоренить у нас еще вводимое им просвещение»³³ согласовывались с русским национальным характером; 3) и, наконец, сам Шаховской, с начала своей карьеры стремившийся «обрусить все, что найдется хорошаго в чужих театрах»³⁴, занимал достойное место в том же ряду этих «гениев».

Единство языка описания политической и театральной истории у Шаховского было несомненной новацией. Однако именно необычность такой трактовки самых актуальных идеологем николаевского царствования, в сочетании с полемичностью по отношению и к ранним славянофилам, и к западникам, должны были вызвать скандал в Российской академии. Впрочем, не имея на данном этапе исследования точных сведений о членах «Разбирательного Комитета», не одоббивших «Слово о Петре Великом», нельзя быть до конца уверенным в справедливости нашей трактовки.

Напоследок хотелось бы отметить, что академическая карьера Шаховского закончилась вместе с самой Академией: как она в 1841 г. превратилась во II отделение Императорской Академии наук, так и престарелому драматургу, в свою очередь, было присвоено звание почетного ее члена³⁵.

³² Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 44.; Ср.: “Des communications si multipliées ont existé entre les hommes, de siècle en siècle et de nation à nation, et l’esprit humain est si paresseux pour inventer, que l’originalité des travaux intellectuels est toujours un phénomène très rare”. (Schlegel A. W. Cours de littérature dramatique / trad. Mme Necker de Saussure: tt.2. Paris, 1865. Т. 2. Р. 129.)

³³ Шаховской А. А. Письмо князя А. А. Шаховскаго к князю Е. П. Мещерскому 20 авг. 1833 г. // Русский архив. 1908. Т. 1. С. 47.

³⁴ Шаховской А. А. История театра: Вместо предисловия письмо к редактору Пантеона // Пантеон русских и всех европейских театров. 1840. Ч. 2. № 5. С. 66.

³⁵ См. некролог Шаховскому: Отчеты Императорской Академии Наук по Отделению русского языка и словесности за первое десятилетие с его учреждения, сост. по определению Отделения Академиком П. А. Плетневым. СПб., 1852. С. 157–160.

